

ИЗБРАННЫЕ СТРОКИ

Перевод с французского
МИХАИЛА КУДИНОВА

Обвинять могут не только строки поэтов. Имена поэтов тоже. Гарсиа Лорка, Мигель Эрнандес, Муса Джалиль... Гневная память поколений хранит мартиролог тех, чья жизнь была оборвана потому, что их строки отстаивали жизнь. Имя Робера Десноса встало в этот скорбный перечень на рассвете 8 июня 1945 года.

Лишь для немногих узников крепости Терезин в Чехословакии день освобождения стал днем возвращения к живым. Когда русские солдаты и чешские партизаны ворвались в этот старинный форт, переоборудованный СС по последнему слову техники истребления, в битком набитых казематах они обнаружили груды агонизирующих призраков вперемежку с остывающими трупами. Их пригнали сюда недавно из других «фабрик смерти»: даже отступая, разгромленные гитлеровцы цеплялись за систему концлагерей, как за самое совершенное детище «арийского гения». Многих спасти было уже нельзя; в госпитале, разбитом чешскими врачами на месте лагеря, люди ежедневно умирали от дизентерии, сыпняка, истощения.

В ночь с 3 на 4 июня студент-медик Иозеф Штуна, просматривая список больных, наткнулся на запись: «Робер Деснос, национальность — француз». Штуна, увлекавшийся французской поэзией, помнил по книгам и журналам сюрреалистов лицо этого человека в очках с толстыми стеклами и массивной оправой. Вместе со своей приятельницей Аленой Тесаровой он разыскал его среди 240 больных своего барака. Силы Десноса были на исходе. Обрадовавшись неожиданным друзьям, день и ночь дежурившим у его постели, он вслух вспоминал о Париже, о Сопротивлении и своей поэтической юности, об океанском прибое и зелени лесов, рассказывал о возникших в лагере замыслах, читал Гонгору, Вийона, свое последнее стихотворение, обращенное к жене Юки. Через три дня он потерял сознание и больше в себя не приходил.

Робер Деснос был другом Элюара; когда-то его подпись стояла рядом с подписью Арагона под сюрреалистскими манифестами, позже их псевдонимы — в одних и тех же журналах Сопротивления; одновременно с Превером он покинул кружок сторонников Бретона, стал работать в кино, на радио. И путь Десноса — путь от зашифрованной исповеди потрясенной души к горизонтам человеческого братства. Два десятилетия назад поэт посылал фронтовикам, сражавшимся «под Киевом и у Ильмень-озера, на Днепре и Припяти», дружеское приветствие «на языке, известном всем, на языке, в котором только одно слово — свобода»:

Мы вам посылаем привет: добрый день!

Не о наших страданиях мы говорим, но о нашей надежде,

На пороге грядущего утра мы шлем вам привет: добрый день!

Шлем его тем, кто близко,

Был лист зеленый

Был лист зеленый, на нем были линии:
Линия жизни,
Линия счастья,
Линия сердца,
И ветка была на конце листка;
Была эта ветка меткою жизни,
Меткою счастья,
Меткою сердца,
И дерево было на кончике ветки,
Достойное жизни,
Достойное счастья,
Достойное сердца, стрелой пронзенного,
Сердца, вырезанного на древесной коре.
И дерево это никто не видел,
И на конце его были корни —
Истоки жизни,
Истоки счастья,
Истоки сердца,
И наконец,
Была Земля,
Просто наша Земля,
Такая круглая, неповторимая.
В целой Вселенной
Одна Земля.

■ ■ ■

В дверь постучи —
Тебе не ответят,
Вновь постучи —
Тебе не откроют,
Вышиби дверь —
И увидишь тогда,
Что путь свободен,
И дом свободен,
И в дом этот можно
Войти без труда.
Так и в любви и в жизни бывает...
Но не всегда.

Не видел

Не видел кометы,
Не видел звездного неба,
В тот вечер не видел.

Не видел моря в бутылке,
Не видел горы наизнанку,
В жизни такого не видел.

Но видел два глаза лучистых,
Но видел яркие губы
И даже большее видел.

■ ■ ■

Я коснулся глубин...
Ничего,
Больше нет ничего.
Я один.
Но остались
Тюрьма и ограда,
Которые надо
Разрушить, пока не пришло
Время старости, время морщин...
Сколько дел у тебя впереди!

■ ■ ■

Пирату все надоело,
Пират устал и страдает одышкой,
Пират потерял былую осанку...
Давайте всплакнем над судьбою пирата.

Позади у пирата — прошлое, полное драм,
У пирата был титул, земля плодородная, замок,
Который в руинах лежал, как и склеп, где покоились предки...
Давайте всплакнем над судьбою пирата.

Пират испытал огорченья и муки любви,
Пират был рыцарем с каменным сердцем,
Насилуя пленниц, пират вспоминал свою даму.
Давайте всплакнем над судьбою пирата.

Затем пират превратился в несчастного парня,
Стал банковским служащим или стоит за прилавком,
Не в океане корабль его плавает, а в тюильрийском бассейне...
Давайте всплакнем над судьбою пирата.

Пират стал рабом и по-прежнему им остается,
Дрожит он, когда увольнением ему угрожает хозяин;
Нет замка, есть только мечта, притупившая волю и разум...
Давайте всплакнем над судьбою пирата.

В ожесточенной войне
Эксплуататоры ловко удар нанесли, убедив эксплуатируемых,
Что существует один только выход — бегство в мечту...
Давайте всплакнем над судьбою пирата.

Но от пролитых слез
Стала мокрой одежда пирата.
О шайка прохвостов! —
Пусть он закричит! —
Перестаньте мочиться!
Увесистым грубым пинком
Давайте разбудим пирата,

Чтобы видеть нелепые сны перестал
И взглянул на свои нарукавники,
На пордевшие волосы, на отощавшее тело,
Чтобы рабство свое осознал человек,
Наяву погрузившийся в сон...
И все же... давайте всплакнем над судьбою пирата,
Посочувствуем всем, кто похож на него.

Люди

Люди тяжелого нрава,
Люди работы трудной,
Люди раннего утра.

Машина крутится по законам Деблера.
Колеса, и снова колеса, и двери быстро,
Что покрыты испариной
От аромата кофейников и аромата горячего хлеба...
Человек, который щупает утром носки,
Затвердевшие от вчерашнего пота, и затем их с трудом надевает,
И надевает рубашку, затвердевшую от вчерашнего пота,
И думает утром, что умоется вечером,
А вечером думает, что умоется утром,
Потому что он слишком устал...
И тот, кто проснувшись с трудом открывает глаза...
И тот, кто мечтает о лихорадке,
Чтоб наконец отдохнуть на чистой постели...
И пассажир-эмигрант, у которого голод урчит в животе
В то время, как с палубы в море бросают объедки,
Целый ворох аппетитных объедков
со стола пассажиров первого класса...
И тот, кто ночует в метро
И кого из метро выгоняет дежурный...

Люди тяжелого нрава,
Люди работы трудной,
Люди раннего утра.

Четверо без головы

Их было четверо, не имеющих головы,
Четверо, у которых ее отрубили.
Их звали: четверо без головы.

Когда в кафе они заходили
И садились выпить вина в сторонке,
Официант приносил четыре воронки.

Когда они ели, это было кроваво,
Когда они пели, взрывалась октава,
Когда любили, кровь клокотала,

Когда бежали, все трепетало,
Когда рыдали, все оживало,
Когда засыпали, никто не жалел,

Когда работали, злость разбирала,
Когда гуляли, это пугало,
Когда играли, то вмиг исчезала

Боязнь, потому что играли они,
Как я или вы, как прочие люди.
И это очень всех удивляло.

Но говорили они о любви,
И кровь свою отдали б за поцелуй,
Хотя у них крови осталось мало.

На их ладонях линии, знаки,
Переплетаясь, терялись во мраке,
Как рельсы теряются в гуще лесов.

Когда восседали они, то величием своим
королей посрамляли.

И прятались идолы, прыгнув с крестов,
Когда эти четверо мимо шагали.

Им возвращали не раз и не два
Головы, найденные во время охоты
Или на праздниках. Но отчего-то

Их не устраивала своя голова,
В которой тускло сверкали глаза
И воспоминанья погружались в дремоту.

Возможно, шляпнику или дантисту
Не было никакого проку от них:
Радость одних огорчает других.

Все четверо живы, я в этом уверен,
Один мне известен, по крайней мере,
Возможно, я знаю и трех остальных.

Первым по счету идет Анатоль,
Вторым — Крокиньюль,
Затем — Барбемоль,
А самым последним — опять Анатоль.

Я их встречаю все реже и реже:
Меня утомляет с недавних пор
Знакомство с теми, кто слишком хитер.

Куплеты

улицы Сен-Мартен

Мне улица Сен-Мартен не мила,
С тех пор как Андре Платара здесь нет.
Мне улица Сен-Мартен не мила,
Мне все не мило, на сердце мгла.

Мне улица Сен-Мартен не мила,
С тех пор как Андре Платара здесь нет.
Он был мой товарищ. Нас дружба свела,
Мы с ним делили досуг и дела.
С тех пор как Андре Платара здесь нет,
Мне улица Сен-Мартен не мила.

Он был мой товарищ. Нас дружба свела.
И вот он исчез. В душе моей мгла.
Его на рассвете схватили. С тех пор
Мне улица Сен-Мартен не мила.

Напрасный труд — молиться святым:
Молчат святые Жак и Мартен,
Кто скажет, что стало с другом моим?
Проходят дни. Никаких перемен.
Андре Платар, мой старый товарищ,
Покинул улицу Сен-Мартен.

1942

Завтра

Я и в сто тысяч лет еще имел бы силы
Тебя, день завтрашний, предчувствовать и ждать.
Пусть время тащится, кряхтя, как старец хилый,
Я знаю, что оно идти не может вспять.

День завтрашний придет. Но ждем мы год из года.
Храня огонь и свет, мы бодрствуем и ждем,
И наша речь тиха — бушует непогода,
И отдаленный гул чуть слышен за дождем.

Из глубины ночной, во мраке леденящем
Свидетельствуем мы: прекрасен дня расцвет...
Мы жить не в будущем хотим, а в настоящем,
И потому не спим, чтоб не проспать рассвет.

Жатва

Невозможно представить себя
Полным сил, реальным, живым.
Невозможно представить себя
Вдруг исчезнувшим, словно дым.
Невозможно поверить, что ты
Не сумеешь смерть побороть,
Станешь прахом, тенью мечты
И душой, покинувшей плоть.

Розы прошлого! Как он хорош,
Как чудесен был ваш аромат!
Лепестков ваших трепетных дрожь
На заре наполняла сад.
Ваша участь была коротка,
Ваша участь с нашей судьбой
В чем-то схожа. Увядших слегка,
Вас в Салон приносили с собой.

Ваши боги жили тревожно,
Ваши боги — маленький люд,
Их бюджет был совсем ничтожен,
И ничтожным был их уют.
Ну, а нас не причислят к нищим,
И страшней наша участь, поверьте.
Невозможного мы не ищем
И не боимся смерти.

Голос

Так далеко от нас этот голос,
Что слух уловить его больше не может,
Но, как приглушенная дробь барабана,
Он все же врывается в наше сознание.

Хотя он как будто идет из могилы,
Но говорит о весне и о лете,
И наполняет радостью тело,
И на губах зажигает улыбку.

Я слышу его, я узнал человеческий голос,
Летающий сквозь грохот сражений и сутолку жизни,
Сквозь рухнувший гром и наполненный слухами шепот.

А вы? Этот голос не слышите вы?
Говорит он: «Страданиям наступит конец».
Говорит он: «Весна уже близко, совсем уже близко».

Неужели его не слышите вы?

Эпитафия

Я жил в суровый век. Давным-давно я умер.
Я жил настороже, был ко всему готов.
Честь, благородство, ум томились в клетках тюрем,
Но я свободным был, живя среди рабов.

Я жил в суровый век, но мрак мне взор не застил,
Я видел ширь земли, я видел небосвод,
Дни солнечные шли на смену дням ненастья,
И было пенье птиц и золотистый мед.

Живые! Это все — теперь богатство ваше.
Его храните вы? Возделана ль земля?
Снят общий урожай? И хорошо ль украшен
Тот город, где я жил и где боролся я?

Живые! Я в земле, мой прах топчите смело:
Нет больше у меня ни разума, ни тела.

Последнее стихотворение

Я так много мечтал о тебе,
Я так много ходил, говорил,
Я так сильно любил твою тень,
Что теперь у меня ничего от тебя не осталось.
Одно мне осталось: быть тенью в мире теней,
Быть в сто раз больше тенью, чем тень,
Чтобы в солнечной жизни твоей
Приходить к тебе снова и снова.

Пеликан

Капитан Джонатан
Видел много разных стран,
И в одной из этих стран
Был им пойман пеликан.

Стал он жить у капитана.
Снес яйцо. И утром рано
Вдруг услышал Джонатан
Крик второго пеликана.

Снес яйцо второй. О горе!
Третий вылупился вскоре,
И могло бы без конца
Так и продолжаться это,
Если б не было яичниц,
Если б не было омлета.

Медведь

В зоопарке медведь
Должен в клетке сидеть.

А на небе светится
Большая Медведица.

Злюка, злюка ты! Для злючки
В супе сварены колючки.
Злюка с палкою в руке
Будет жить на чердаке,
Будет с дырами в кармане,
Женится на обезьяне.

